

была бы стоять на стражѣ его дѣтства и лелѣять его,—въ своемъ семействѣ прежде всего встрѣчаетъ онъ, съ ужасомъ и отвращеніемъ, чудовищный образъ общества, которое въ человѣкѣ не хочетъ признавать человѣка, не видитъ въ немъ только породу и касту или смотритъ на него только какъ на работника, какъ на живой капиталъ, съ котораго нѣкогда можно будетъ брать проценты... Семейство, узы крови: что вы, если не бичи и цѣпи тамъ, гдѣ полудикое и невѣжественное общество еще въ колыбели встрѣчаетъ человѣка, въ видѣ патриархальнаго логовища, глава котораго есть степной деспотъ съ нагайкой въ рукѣ, «самолюбивый, упрямый, хвастунъ безъ совѣсти, не любить жить съ другими въ домѣ человѣчески, а любить, чтобы все передъ нимъ трепетало, боялось и рабствовало?..»

Мы уже говорили, что Кольцовъ нисколько не заносился своимъ талантомъ. Онъ живо чувствовалъ недостатокъ своего образованія. «Будь человѣкъ и гениальный (говоритъ онъ въ одномъ письмѣ), а не умѣй грамотѣ—не прочтешь и вздорной сказки. На всякое дѣло надо имѣть полные способы. Прежде я-таки, грѣшный человѣкъ, думалъ о себѣ и то, и то, а теперь кровь какъ угомонилась, такъ и осталось одно желаніе въ душѣ—учиться. И думаю, что это хлѣбъ прочный, и его мнѣ надолго станетъ; а тамъ что Богъ дастъ. Васъ же прошу объ одномъ: всѣ дурныя пьесы бросайте безъ вниманія, а какія нравятся, тѣ печатайте.» Люди обыкновенно не столько наслаждаются тѣмъ, что имъ дано, сколько горюють о томъ, чего имъ не дано; притомъ они мало цѣнятъ то, что дается имъ безъ труда, и видятъ верхъ совершенства только въ томъ, что добывается потомъ и кровью. Кольцова особенно огорчало то, что ему не далась проза, которая, по его выраженію, «съ нимъ еще при рожденіи разошлась самымъ неблагороднымъ образомъ». Въ 1840 году нашъ знаменитый трагическій актеръ, Мочаловъ, посѣтилъ Воронежъ и давалъ представленія на тамошнемъ театрѣ. Кольцову, горячо любившему Мочалова, какъ художника и какъ человѣка, очень хотѣлось написать что-нибудь для журнала о его представленіяхъ; но онъ, разумѣется, не рѣшился и попробовать. Досада его очень наивно излилась въ письмѣ къ другу: «Глупое положеніе нашей братіи-приемачей! Вотъ теперь и хочется написать статейку о Павлѣ Степановичѣ, а чертовскіе разѣйры не даютъ ходу прозѣ и велѣть молчать.» Отдѣлаться отъ мелочной торговли и на свободѣ предаться ученю было любимѣйшей мечтой всей жизни Кольцова. Не имѣя яснаго понятія о наукахъ, онъ хотѣлъ учиться всему—и тому, чему бы могъ и

долженъ былъ учиться, и тому, чему не могъ и не долженъ былъ; но сквозь этотъ хаосъ темныхъ представленій о наукѣ ясно было видно, что если бы онъ и не могъ заниматься исторіей, какъ наукой, то съ жаромъ и страстью предался бы чтенію [преимущественно историческихъ сочиненій]. Онъ желалъ учиться и языкамъ; но для осуществленія всѣхъ этихъ проектовъ его время прошло, и все, что оставалось для него,—это предаться съ упоеніемъ чтенію всего, что могъ найти лучшаго на русскомъ языкѣ. Приобрѣтеніе книгъ было счастьемъ и радостью его жизни. «Вы не можете представить (писалъ онъ въ 1840 году къ другу), какой богатъ я сталъ хорошими книгами. Есть что читать! Вашъ подарокъ получилъ; «Отечественныя Записки», «Современникъ» тоже; отъ Губера получилъ «Фауста», отъ Владиславлева—«Утреннюю Зарю»; купилъ полное собраніе сочиненій Пушкина, «Исторію философскихъ системъ» Галляча; мнѣ ее наши бурсаки сильно расхвалили; прочелъ первую часть—вовсе ничего не понималъ. Развѣ философія—другое дѣло? Можетъ быть и такъ; будемъ читать еще до конца. Теперь одинъ недостатокъ оказался: надобно непременно обзавестись «Исторіей» Карамзина; у меня есть Полевого и Ишимова краткія, да хочется имѣть полную, да оперъ нѣсколько.» Какъ человѣкъ необразованный или, лучше сказать, какъ полубразованный самоучка, Кольцовъ нѣкоторые изъ лучшихъ своихъ пѣсень хотѣлъ назвать русскими балладами, думая этимъ возвысить ихъ. Не изъ этого ли источника происходило и его страстное желаніе написать либретто для оперы,—дѣло, къ которому онъ едва ли былъ способенъ? Другое дѣло—къ готовому, но голому драматическому очерку написать арію, разумѣется, въ родѣ его русскихъ пѣсень—это онъ могъ бы выполнить прекрасно, и, можетъ быть, этого-то и хотѣлось ему. Какъ бы то ни было, но оперныя либретто на русскомъ языкѣ онъ собиралъ съ жадностью. Изъ другого, болѣе истиннаго и глубокаго источника выходило у него страстное желаніе путешествовать по Россіи. Это было тоже любимѣйшей его мечтой, которой, какъ и многимъ другимъ, не суждено было осуществиться.

Какъ человѣку не только съ истиннымъ, но еще и съ большимъ талантомъ, Кольцову знакомы были горькія минуты разочарованія въ своемъ поэтическомъ призваніи. Не зная, что всякому мастеру часто всего труднѣе быть судьей собственныхъ произведеній, онъ думалъ, что у него вовсе нѣтъ эстетическаго вкуса. Такъ писалъ онъ разъ къ одному изъ своихъ друзей объ одной изъ лучшихъ своихъ пѣсень: «Чортъ знаетъ